

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ФУНКЦИИ И ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ МИССИЯ РОССИЙСКИХ БИБЛИОТЕК (Тезисы для обсуждения на «Круглом столе»)

Для того, чтобы обеспечить взаимопонимание участников дискуссии, необходимо пояснить смыслы исходных ключевых слов, которые будут использоваться в моем сообщении — а именно: «информация», «информационная функция», «гуманизм», «гуманистическая миссия».

1. В ГОСТ 7.0–99 информация определяется как «сведения, воспринимаемые человеком и (или) специальными устройствами как отражение фактов материального или духовного мира в процессе коммуникации». «Сведения» — это знания, а библиотечные фонды содержат не только фактическое знание, но и эмоции, волевые побуждения, гипотезы, фантазии, которые «сведениями» не назовешь. Получается одно из двух: либо признать, что библиотека — не вполне информационный центр; либо корректировать гостовское определение информации. Пойдем по второму пути.

Слово «информация» — неологизм для русского языка. В английском языке information понимается как новости (news), переданные сведения (knowledge communicated), любое знание, полученное по коммуникационному каналу. Здесь слово «информация» употребляется в своем *исходном значении* — «смысловое содержание социально-коммуникационного сообщения». Став научным термином, слово «информация» приобрело множество метафоричных (переносных) значений. Примеры информационных метафор:

— Информация — это «выбор одного варианта из нескольких возможных», «мера разнообразия», «мера сложности структур», «мера организации», «способ измерения неоднородности распределения материи в пространстве и неравномерности протекания материальных процессов во времени» и т.п. Здесь речь идет не о коммуникационных процессах, а о создании новых смыслов, о познавательных процессах, которые можно назвать «смысловым содержанием социально-коммуникационного сообщения» лишь в метафорическом смысле;

— Информация — «обмен сигналами между техническими устройствами», «радиотехнические сигналы», «данные, обрабатываемые компьютерами», «сообщения, рассматриваемые как объект передачи, хранения и обработки», «триединство энергии, движения и массы» и пр. Метафоричность употребления исходного понятия информации в данном случае заключается в том, что оно распространяется на техносферу, где практикуется не смысловая коммуникация между людьми, а техническая коммуникация между приемопередающими устройствами;

— Информация в контексте философской теории отражения, трактуемая как «отраженное разнообразие» или «основное содержание отображения», есть метафора, заменяющая понятие «образ». На этом основании можно отнести к информации фотографии, живописные полотна, любые изображения, а также всю науку и искусство, поскольку все они отражают некое разнообразие вселенной;

— Метафоричны названия информационных учреждений; так ВИНТИ окрестили «институт научной информации», хотя фактически он является «институтом научной коммуникации»;

— Трактовки информации в качестве «непременной субстанции живой и неживой материи», «одного из первоначал мира» являются мифологическими фантазиями, ибо они не имеют отношения ни к социальной коммуникации, ни к содержанию коммуникационных сообщений.

Отбрасывая мифологию и обобщая метафорические трактовки, получаем дефиницию: *Информация есть метафора, выражающая смысл в форме коммуникабельных знаков*. В современной науке метафора понимается не только как художественно-литературный троп, но и как «ключ к пониманию основ мышления». Сложилась междисциплинарная философско-филологическая *теория метафоры*, рассматривающая феномен метафоричности в когнитивном, логическом, лингвистическом, стилистическом аспектах. Информатизация — благодарное поле для применения этой теории.

2. Неисчерпаемым источником информационных метафор является *информационный методологический подход*, который получил широкое распространение в науке, да и в массовом общественном сознании. Библиотечные теоретики в 80-е годы овладели информационным подходом. Библиотековедение заполнили метафоры, заимствованные из терминологии научной информатики. Каталоги и картотеки стали информационно-поисковыми системами, библиотечно-библиографические классификации и списки предметных рубрик — информационно-поисковыми языками, книги — источниками информации, читатели — потребителями информации, библиографические описания — библиографической информацией и т.д. Все библиотеки обрели статус информационного центра, выполняющего информационную функцию и удовлетворяющего информационные потребности своих пользователей. Библиотековедение предстало в новом облике, открылись новые методологические горизонты, неизвестные ранее закономерности и межнаучные взаимосвязи.

Возникает, однако, недоумение. Если библиотеки по природе своей являются информационными учреждениями, то зачем настойчиво планировать *информатизацию* российских библиотек в XXI веке? В официально опубликованной «Концепции развития библиотечного дела в Российской Федерации до 2015 года» утверждается, что «информатизация библиотек является обязательным условием для обеспечения населения современными библиотечными услугами». Российская библиотечная ассоциация (РБА), в свою очередь, выступила с «Манифестом об информатизации публичных библиотек», где говорится: «Информатизация должна быть признана и поддержана всеми органами государственного и местного управления как магистральное направление развития публичных библиотек на современном этапе». Зачем, спрашивается, информатизировать библиотечные учреждения, если они изначально, хотя и по умолчанию, являются информационными центрами? Данный парадокс — результат столкновения двух информационных метафор — социально-коммуникационной и технико-технологической.

Вывод: В пределах библиотечно-библиографической сферы информация есть библиотечная метафора социальной коммуникации. В метафоризации заключается суть информатизации библиотековедческой и библиографоведческой теории, в том числе суть информационной функции библиотек.

3. В нашем библиотековедении принято разделять библиотечные функции на две разновидности: внутренние, или технологические¹, и внешние, или социальные, функции библиотек². Социальные функции, в свою очередь, подразделяются на сущностные функции, которые раскрывают сущность библиотек и библиографии на абстрактно-теоретическом уровне, и прикладные функции, реализующие возможности библиотек и

¹ Р.С. Мотульский, обобщая определения других авторов, предложил понимать под **технологическими функциями** «проявление свойств отдельных элементов библиотеки в процессе их взаимодействия в рамках сложившихся внутри системы отношений», аналогично функциям органов чувств в организме, функциям денег в обществе, функции двигателя в автомобиле и т.д. (Мотульский Р.С. Библиотека как социальный институт. – Минск: БГИК, 2002. – С. 157).

² **Социальные функции** представляют собой конкретизацию общественного назначения социальной системы, раскрывающие взаимодействие «библиотека – общество». В.В. Скворцов выразил эту мысль следующими словами: социальные функции — «обобщенный перечень обязанностей библиотеки перед обществом, которые диктуются им, необходимы ему, прямо или косвенно воздействуют на него и соответствуют сущности библиотеки как социального института» (Карташов Н.С., Скворцов В.В. Общее библиотековедение: учебник в 2-х частях. Ч. 2. – М.: МГУКИ, 1997. – С. 4).

библиографии для удовлетворения конкретных общественных потребностей. Соответственно, следует различать информатизацию технологических функций и информатизацию социальных функций библиотек. По содержанию своему это две принципиально разные «информатизации», потому что они ориентированы на *разные метафоры* информации. Технологические процессы связаны с технической коммуникацией, где циркулируют кодированные электронные сигналы, именуемые «*машинная информация*» (данные); а библиотечное обслуживание связано с социальной межличностной коммуникацией, представляющей собой движение смыслов в форме коммуникабельных знаков, которое называется «*семантическая (смысловая) информация*». Машинная информация — это средство «практической» информатизации технологических функций, а семантическая информация — это средство «теоретической» информатизации социальных функций.

Вывод: информационная функция понимается в библиотековедении неоднозначно:

А. В качестве *технологической функции* «удовлетворения информационных потребностей пользователей на основе использования информационно-коммуникационных технологий, сутью которых является интеллектуальная обработка и предоставление информации» (И.Г. Юдина);

Б. В качестве *сущностной* «всеобщей функции всех библиотек без исключения (технических, детских, религиозных и т.д.), выдающих читателям не что иное, как информацию» (В.В. Скворцов);

В. В качестве *прикладной функции*, заключающейся в информационном обслуживании специалистов науки, техники и бизнеса (большинство теоретиков и практиков).

Поскольку информационная функция является приоритетной функцией современных российских библиотек, усилия библиотечного сообщества направлены на: а) информатизацию (внедрение информационных технологий); б) переосмысление сущности библиотек (овладение информационным мировоззрением); в) дифференцированное информационно-библиографическое обслуживание отдельных категорий читателей (вклад в общественное производство). Допустим, все эти задачи будут успешно решены, и все информационные функции будут осуществляться в полной мере. Приобретет ли библиотечная профессия достойное место в российском обществе, выйдут ли библиотеки из хронического кризиса, будут ли библиотечные ресурсы в полной мере использованы наступающим информационным обществом? В конце минувшего столетия можно было бы ответить на эти вопросы положительно и посчитать оправданным приоритет информационной функции в библиотечной стратегии и тактике. Но сегодня *мы живем в «другой России», и библиотечная политика должна измениться* в соответствии с потребностями информационного общества XXI века.

4. О кризисном состоянии российской книжной коммуникации свидетельствуют следующие деструктивные явления: 1) *Дисфункция чтения*. В мае 2011 года социологи чтения установили, что 18% россиян, будущих граждан информационного общества, не имеют дома книг, а доля «нечитателей», никогда или «очень редко» берущих в руки книги, составляет 35%; 2) *Сокращение книжного рынка*. В 2010 году продажи книг упали на 9%, а в 2011 году на 7%. Зато выпуск электронных изданий и букридеров находится на подъеме, и по оценкам экспертов в ближайшем будущем может занять четверть книжного рынка; 3) *Свертывание библиотечных сетей*. Без официального афиширования, но достаточно последовательно в стране осуществляется политика свертывания библиотечных сетей. Количество публичных библиотек в период 1995–2005 гг. уменьшилось с 50,1 тыс. до 48,1 тыс., а число читателей сократилось на 2 млн.; 4) *Депопуляция библиотечной профессии*. Средний возраст профессиональных библиотекарей-библиографов приближается к пенсионному порогу и только 4,0% выпускников высшей библиотечной школы планируют связать свою биографию с библиотечным делом. Вырисовывается кошмар «разбиблиотеченных» библиотек, то есть учреждений без книг, без читателей, без библиотекарей, но с вывеской «библиотека»; 5) *Оскудение научной мысли*. Внимание библиотековедения, библиографоведения, книговедения сосредоточено либо на современных технологиях, либо

на исторической фактографии. Слов нет, надо, необходимо заниматься этими проблемами. Однако технологи и историки не могут ответить на важнейший, экзистенциальный вопрос российской книжности: как сделать так, чтобы директора публичных и детских библиотек получали такое же государственное довольствие, как младшие лейтенанты вооруженных сил?

На мой взгляд, имеются четыре главных причины библиотечного кризиса:

а) *Глобальная всемирно-историческая тенденция*: закат Галактики Гутенберга, вытеснение полиграфической коммуникации электронной цифровой коммуникацией. Формируется новый антропологический тип — *homo informaticus*, оснащенный индивидуальными устройствами для мобильного доступа ко всему разнообразию цифровых информационных ресурсов.

б) *Национальная дегуманизация России*. Российским недугам посвящен необозримый массив официальных, публицистических, политических, научных, философских, футурологических и прочих публикаций, в которых пестрят термины «депопуляция», «деградация», «обнищание», «деиндустриализация», «дискредитация идей свободы и демократии», «криминализация», «коррупция», «беззащитность», «дестабилизация», «бездуховность», «обман, предательство, бесстыдство» и другие, сравнительно недавно не отличавшиеся высокой частотностью в русском языке. Согласно данным Института демографии Высшей школы экономики, в 2011 году в России было зарегистрировано 2,4 миллиона преступлений, погибло более 30 тысяч человек и около 40 тысяч получили тяжкий вред здоровью. В местах лишения свободы на начало 2011 года содержалось 819 тысяч человек, в том числе 8,8 тысяч несовершеннолетних³.

Растет социальное расслоение и ужесточается межэтническая вражда. У нас очень мало социально ориентированных предпринимателей, умных и деловитых чиновников, нет цивилизованного гражданского общества и авторитетной власти, пользующейся доверием населения. Совесть, стыд, милосердие, альтруизм, интеллигентность — старомодны и неактуальны. Неуважение книги, библиотеки, культурного наследия — одно из проявлений постыдного хамства. Я не могу назвать современное российское общество ни обществом потребления, ни информационным обществом, ни обществом знания. Мы живем в обществе риска дегуманизации. Дегуманизация, то есть утрата облика человеческого, не только отвратительна, но и опасна. Дегуманизованная, одичавшая техногенная цивилизация нежизнеспособна, поэтому риск дегуманизации представляет собой прямую угрозу национальной безопасности страны.

в) *Государственная библиотечная политика*. Руководствуясь принципом «адаптации культуры к рыночной экономике», Государственная Дума Российской Федерации последовательно проводит политику сокращения государственных затрат на содержание библиотек. Нашим законодателям невдомек, что, только опираясь на гуманистические ресурсы книжности, можно преодолеть недуги дегуманизации и социальные пороки, включая алкоголизм, наркоманию, преступность. Нужно понимать, что, в конечном счете, для российской нации хороший библиотекарь или учитель важнее, чем хороший полицейский или чиновник. Однако, вероятно, не случайно у нас нет ни федеральных законов, ни целевых программ, ни политических концепций, ни стратегических планов, где звучала бы обеспокоенность судьбами книги, чтения, российской книжной культуры. Напрашивается безрадостный вывод, что наши государственные деятели представляют будущую Россию как общество *нечитающее и бескнижное*, которому нужны информационные услуги, а никак не книжная культура, библиофильство, филология и прочие реликты книжности. Одичавшие технократы убеждены, что, имея в своем распоряжении Интернет с постоянно растущими, дистанционно доступными информационными ресурсами, граждане информационного общества не будут нуждаться ни в каких старомодных библиотеках, кроме, может быть, оцифрованного ресурса, концентрирующего фонды нескольких крупнейших

³ Демоскоп weekly. № 505 – 506. 2 – 15 апреля 2012.

библиотек. Никому из них не приходит в голову задуматься над вопросом: если, как предусмотрено Государственной программой «Информационное общество (2011 – 2020)», будут оцифрованы фонды всех публичных библиотек, каждая библиотека обретет электронный каталог и безлимитный доступ в Интернет, то уменьшатся ли риски дегуманизации российского общества?

г) *Беззащитность и беспомощность библиотечного сообщества.* Безошибочным индикатором низкой культуры нации является социальное положение работников культуры и, в частности, нищенская заработная плата библиотекарей. Следует признать, что никто не позаботится о библиотекарях, если они сами о себе не заявят. Каким образом? До сих пор библиотеки позиционировали себя как беспартийные учреждения, гостеприимно принимающие все партии. Такая позиция привела к тому, что в выборных структурах власти от муниципалитетов до Государственной Думы никогда не было представителей библиотечного сообщества, которые отстаивали бы интересы библиотек. Поэтому библиотекари всегда были в роли просителей, которые досаждают властям своими жалобами. Здравый смысл подсказывает, что нужно создавать свою политическую партию и делегировать во все органы власти энергичных интеллигентов-книжников, которые сумеют объяснить Правительству и Президенту, что выбор состоит в том, что строить: библиотеки или тюрьмы, что процветающие силовые структуры — это свидетельство уродства техногенной цивилизации и прочие гуманистические истины.

Что же нам делать? Полагаю, что нужно переходить от приоритета информационной функции к приоритету гуманистической миссии.

5. Чтобы разобраться в библиотечном гуманизме, нужно предварительно уяснить, что такое гуманизм вообще? В наши дни сложились три различных понимания термина «гуманизм»: 1) *Историко-культурологическое:* Гуманизм — это идейно-культурное движение эпохи Возрождения, которое базируется на следующих принципах: свободном всестороннем развитии личности; освобождении от духовного господства феодализма и католицизма; обращенности к античной философии, литературе, искусству. Это понимание оставим историкам культуры. 2) *Обыденное:* Гуманизм — это отношение к людям, которое характеризуется чуткостью, уважением, справедливостью, отзывчивостью, заботой, любовью, состраданием. Это понимание односторонне акцентирует этический аспект гуманизма, упуская из виду другие его аспекты. 3) *Философско-антропологическое:* Гуманизм — *мировоззренческая система универсалий духовной культуры*, представляющая собой *эталонную формулу*, состоящую из пяти универсалий:

Гуманизм = { А + В + С + D + E }, где

А — *рационалистическая универсалия* обусловлена тем, что гуманизм вышел на историческую арену в эпоху Возрождения под знаменем рационального знания и творчества, которые противопоставлялись средневековому обскурантизму и церковному догматизму. Эта категория включает понятия «разум», «познание», «знание»;

В — *универсалия свободы* — *свобода воли (выбора)* творческого самовыражения во всех областях человеческой деятельности, прежде всего в художественном творчестве, научном познании и предпринимательстве. *Свобода самореализации* разумного и знающего субъекта заключается в возможности осуществления естественных прав человека (свобода мысли, свобода слова, свобода общения, свобода самосовершенствования) и в добровольном выборе (свобода воли) гуманистических ценностей.

С — *эстетическая универсалия* отражает свойственное людям, и только людям, не-утилитарное переживание гармонии мира и прекрасных произведений искусства. Эту универсалию выражают такие эстетические категории, как «прекрасное», «возвышенное», «искусство». Эстетическая универсалия гуманизма включает *искусство книги*, представляющее собой раздел современного книговедения. Библиофилия и его гипертрофированная форма библиомания, как и всякое коллекционирование ценностей, являются способом удовлетворения эстетических потребностей цивилизованного человека.

Д — *аксиологическая (ценностно-целевая) универсалия* — представления о главных ценностях и цели (смысле) жизни человека в данном обществе, о назначении (функциях, миссии) социальных институтов и организаций, которые выражаются в оппозициях «альтруизм — эгоизм», «добро — зло» и категориях «труд», «сила», «богатство», «власть». *Альтруизм (бескорыстное человеколюбие)* предопределяет цели гуманистической деятельности; его антипод — *эгоизм* толкает человека на антигуманистические поступки.

Е — *этическая универсалия*, регламентирующая выбор гуманных (антигуманных) средств при взаимодействии людей друг с другом, выражающаяся в оппозиции «насилие — ненасилие», категориях «справедливость», «ответственность», «долг», «толерантность», принципе «цель оправдывает средства». Гуманистическая этика основана на «золотом правиле»: поступай с другими так, как хочешь, чтобы с тобой поступали; не делай другим того, что ты не желаешь себе.

Весьма важно подчеркнуть, что гуманизм нельзя сводить к отдельно взятой универсалии. Например, гипертрофированный разум может быть столь же бесчеловечным, как врожденный кретинизм; неограниченная свобода иногда опаснее рабства, абсолютизация эгоизма столь же нелепа, как абсолютизация альтруизма и т.д. Гуманизм следует понимать как *систему гармонично и нормально развитых* мировоззренческих универсалий. Если присутствуют все гуманистические категории, то имеет место полноценный гуманизм; если представлены только некоторые слагаемые, то частичный, или квазигуманизм; если аксиологическая и этическая универсалии выражены негативными категориями, например, «эгоизм + насилие», то имеет место отрицание гуманизма — антигуманизм. Квазигуманизм и антигуманизм представляют собой отрицание абсолютной человечности, т.е. *дегуманизм*. Эталонную формулу гуманизма удобно использовать для оценки отдельного человека (насколько он соответствует модели гуманиста); для оценки гуманизации / дегуманизации общества; для оценки гуманистической деятельности социального, в частности, библиотечно-библиографического института. Современное российское общество имеет негативное значение практически всех составляющих эталонной формулы гуманизма. Угрозу губительной дегуманизации России вовсе не устраняет перспектива построения информационного общества в нашей стране.

6. Буквально все авторы концепций информационного общества предвидят в будущем развитие глобальных информационных сетей, электронной коммуникации и искусственного интеллекта, а *о книгах и библиотеках не упоминает никто*. В то же время информационное общество видится многим футурологам не равноправным содружеством соотечественников, а «человеиником», расколотым на два антагонистических «полюса социального противостояния»: 1) высшая страта *меритократов (яппи* — активные творческие люди), представители которой происходят, как правило, из образованных и обеспеченных семей, отличаются высоким уровнем образованности, заняты в высокотехнологичных отраслях хозяйства, занимают высокие посты в корпоративной или государственной иерархии; 2) низшая страта (*хиппи* — пассивные тунеядцы), состоящая из рабочего класса или неквалифицированных иммигрантов, которые отличаются невысокой образованностью и подвижны, главным образом, материальными нуждами, заняты в массовом производстве или примитивных отраслях сферы услуг.

Особенность социального антагонизма в информационном обществе будет состоять в том, что принадлежность к господствующей страте обуславливается владением *интеллектуальным капиталом* — образованностью и творческими способностями. Поскольку умственное развитие и образованность определяются средой воспитания и генетической наследственностью индивида, рабочие не имеют шансов присоединиться к высшей страте. Поэтому низшая страта обречена на материальное обнищание и духовную деградацию, а высшая страта постепенно превратится в замкнутую касту, отторгающую пришельцев и воспроизводящую сама себя. Библиотеки в этом обществе никому не нужны. Меритократам потребуются информационные службы, питающие их интеллектуальный капитал, и они создадут для себя высокотехнологичную глобальную информационную систему. Невзы-

скательные вкусы низшей страты будут удовлетворять красочные мультимедийные шоу, многосерийные телефильмы, спортивные передачи, азартные викторины и иные, пока еще неизвестные находки коммерческой массовой культуры. Конечно, благодаря искусной книжной рекламе в богатом ассортименте досуговых развлечений нижней страты найдет свое место полиграфическая и электронная продукция коммерческого книгоиздания. Значительная часть граждан информационного общества вообще откажется от чтения книг, довольствуясь общедоступными ресурсами электронной коммуникации.

Техногенное могущество нуждается в гуманистическом противовесе. Смертельно опасен гигантский рост научно-технической мощи и экономического богатства, если он соседствует с духовной деградацией и дегуманизацией отношений между отдельными людьми, народами, нациями, государствами. Философ-антрополог А.П. Назаретян вывел *закон техно-гуманитарного баланса*: «чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные механизмы сдерживания агрессии необходимы для сохранения общества»⁴. В экстремальных условиях столкновения цивилизаций и корыстных притязаний великих держав, межнациональных, религиозных, классовых конфликтов, озлобления обманутого и нищающего населения *только гуманизация общественного сознания может спасти от гибели обезумевших людей*. Библиотеки, культивирующие информационные функции, в данном случае бесполезны, а вот библиотеки, выполняющие гуманистические миссии, могут быть весьма востребованы.

7. В чем разница между функцией и миссией? В официальных стратегиях наших национальных библиотек запечатлено отождествление миссии и функции. И та, и другая сводятся к обслуживанию общества. Так, в утвержденной Министерством культуры РФ «Программе деятельности ФГБУ «Российская государственная библиотека» на период 2013–2018 сказано: «Миссия РГБ — «сбор, сохранение и предоставление в пользование обществу универсального фонда документов, отражающих знания человечества и имеющих, прежде всего, отношение к России и её национальным интересам». В аналогичной «Программе развития ФГБУ «Российская национальная библиотека» на период 2013 – 2018 гг.» то же самое выражено иными словами: «Миссия РНБ как старейшей национальной библиотеки России состоит в том, чтобы удовлетворять потребности сегодняшних пользователей и быть готовой обслуживать грядущие поколения».

Конечно, прикладные функции и миссии связаны друг с другом, но играют разные роли в системе «Библиотека — Общество». Назначение функций — *обслуживать* клиентов по запросам (клиент-ориентированное обслуживание) или на беззапросной основе. Миссия же предназначена не для обслуживания, а для *преобразования* (совершенствования) общества в соответствии с определенными идеалами. Именно в социально-преобразовательной направленности заключается специфика социальной миссии. Миссии реализуются через целеполагание функций, ориентируя последние на достижение предусмотренных социальных состояний. Получается следующее определение: **социальная миссия** библиотечно-библиографического учреждения — исторически обусловленная ценностно-целевая ориентация всей его практической деятельности.

На основании исторического опыта можно выделить, по крайней мере, *три версии социальной миссии российских библиотек*: А. Просветительская версия (XIX вв.); Б. Советская версия; В. Информационная версия (наши дни). Просветительская версия представляет собой реализацию библиотечного гуманизма в условиях индустриальной цивилизации. В общедоступных и бесплатных библиотеках и читальнях воплотились бескорыстное человеколюбие, социальная ответственность и справедливость, гуманность и благоговение перед культурой, которые стали составной частью классического библиотечного мировоззрения и типичными качествами профессиональных библиотекарей. Квазигуманистическая суть советской версии заключается в замене гуманистического принципа толерантности (гуманности, плюрализма, ненасилия) антигуманистической установкой «вы-

⁴ Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. (Синергетика, психология и футурология). – М.: Пер Сэ, 2001. – С. 96.

ковать из библиотеки орудие», «стать активным борцом за очередные лозунги» и т.д. В дальнейшем эта установка превратилась в официально закрепленную идейно-воспитательную (идеологическую) прикладную функцию советских библиотек.

В условиях современной России преобладает *сервисная политика* библиотечно-информационного обслуживания. Сервисная политика рассчитана на условия рыночной конкуренции, для нее главный императив — удовлетворение платежеспособного спроса читателей. Она представляет собой клиент-ориентированное обслуживание по принципу «клиент всегда прав, поэтому недопустимо руководить его вкусами». В этом случае решительно отвергается нужда в какой-либо социально-педагогической миссии библиотек. Сервисная политика ориентируется на информационную функцию, понимаемую как комфортное информационное обслуживание, и утверждает социальную *нуль-миссию*. Нуль-миссия вызывает озабоченность, поскольку означает аннигиляцию библиотек в информационном обществе России XXI века.

Российскому библиотечно-библиографическому социальному институту, если он желает сохраниться в дегуманизованном информационном обществе, следует не игнорировать губительные процессы дегуманизации, а посвятить себя выполнению гуманистической социальной миссии. Суть этой миссии можно сформулировать так: **гуманистическая миссия** библиотек заключается в утверждении в общественном сознании гуманистических универсалий культуры и активном противостоянии всем проявлениям дегуманизации общества. Библиотечная деятельность, нацеленная на выполнение гуманистической миссии, представляет собой *библиотечный гуманизм*. Таким образом, гуманистическая миссия и библиотечный гуманизм неразрывно связаны друг с другом и предполагают друг друга.

8. Гуманистическая библиотечная политика должна исходить из аксиомы, что библиотека не только и не столько информационная служба, сколько гуманистический центр книжной культуры и свободного общения людей. Библиотечный гуманизм представляет собой интерпретацию культурных универсалий, представленных в эталонной формуле гуманизма, применительно к библиотечно-библиографическому социальному институту. Получается следующая формула: **А. рационалистическую универсалию** (разум, знание) в библиотеке представляют фонды и библиотечные работники, образующие гуманистические ресурсы библиотечного института; **В. свобода самореализации** воплощается в свободном доступе читателей к библиотечным фондам (отсутствие цензуры и каких-либо формальных ограничений); **С. эстетическую универсалию** представляют библиотечное пространство, включая архитектуру, дизайн, интерьеры, а также произведения письменности и печати как предметы искусства книги; **Д. аксиологическая универсалия** сводится к культурантизму, в соответствии с которым библиотека служит для читателей центром книжности, информационной культуры и непосредственного общения; **Е. этическая универсалия** реализуется в виде толерантного (доброжелательного) диалога работников библиотеки с читателями и коллегами. Формула библиотечного гуманизма характеризует гуманистическую миссию, осуществляемую в процессе библиотечной деятельности. Если реализуются все культурные универсалии, гуманистическая миссия осуществляется в полном объеме, если не все, то — частично или не выполняется вообще.

Развернутая словесная формулировка понятия «библиотечный гуманизм» читается следующим образом: **библиотечный гуманизм** — *такая система профессиональной библиотечной деятельности, когда библиотека представляет собой рационально и эстетически обоснованный социально-культурный центр гуманистической книжности со свободным доступом к его документным фондам локальных и удаленных пользователей и диалоговым субъект-субъектным общением читателей и сотрудников библиотеки.*

9. Реализовать библиотечный гуманизм в условиях техногенного информационного общества невозможно без обращения к информационно-коммуникационным технологиям, без использования Интернета и развития виртуального библиотечного пространства. Поэтому деятельность по информатизации (компьютеризации, интернетизации) библиотек

полезна и даже необходима. Однако нужно понимать и отдавать себе отчет, что высокие информационные технологии и Интернет 2.0 являются самоцелью только для их производителей, которые получают баснословные прибыли на глобальном информационном рынке. Для потребителей же, в том числе и для библиотек, все продукты техносферы, представляют собой *средства*, которые могут быть использованы для достижения разных целей. В настоящее время целью библиотечно-библиографической деятельности считается приоритетное выполнение прикладной информационной функции, то есть оперативный, полный и точный (минимум информационного шума) ответ на поступивший информационный запрос, и здесь электронно-коммуникационные средства крайне желательны. Однако гуманистическая миссия библиотек в этом случае не выполняется, поскольку не используются библиотечные гуманистические ресурсы. Целью библиотечного гуманизма является не столько информационное обслуживание читателей (информационное обслуживание в онлайн-режиме — банальный признак библиотечно-библиографического профессионализма), сколько уменьшение дегуманизации российского общества. Именно этой цели наши библиотеки должны служить всеми своими средствами.

Соотношение между идеей гуманизации общества и идеей информатизации общества заключается в том, что гуманизация есть цель социальных преобразований, а информатизация — средство достижения этой цели. Поскольку цель и средство неразрывно связаны друг с другом, эти две идеи должны не конкурировать, а дополнять друг друга в стратегических программах развития российских библиотек. Информационные технологии должны служить библиотечному делу, а не библиотечное дело — информационным технологиям. Библиотечные работники обязаны удовлетворять информационные потребности *homo informaticus*, используя локальные и удаленные информационные ресурсы. Но главная и подлинная миссия библиотек заключается не в информационном обслуживании, а в спасении информационного общества от губительного недуга дегуманизации. Информатизация библиотек оправдывает себя только в том случае, если она послужит для реализации гуманистической миссии. Поэтому *не информационная функция, а гуманистическая миссия должна стать приоритетом наших библиотек.*

10. Подытоживая сказанное, можно сделать следующие **выводы**:

1. Для устойчивого развития России в XXI веке необходимо неразрывное сочетание гуманизации (цель) и информатизации (средство). Библиотечно-библиографический социальный институт будет нужен грядущему информационному обществу в той мере, в какой он возьмет на себя выполнение гуманистической миссии.

2. Информатизацию (компьютеризацию, интернетизацию) следует рассматривать не в качестве самоцели, а в качестве вспомогательного средства гуманизации библиотечно-библиографического социального института в условиях глобальной техногенной цивилизации. Нам нужно разработать гуманистические технологии библиотечного дела, в частности, использование Интернета как гуманистического ресурса. До сих пор стимулом для совершенствования информационных технологий служили корыстные интересы капиталистических корпораций или нужды государственного управления, что способствовало дегуманизации общества. Остается нерешенным вопрос: может ли гуманизация общества стать целью научно-технологического прогресса?

3. Переход от нуль-миссии к гуманистической библиотечно-библиографической миссии не может произойти стихийно, явочным порядком. Особенно важной, даже ключевой задачей является: гуманизация библиотечной школы, которая перестала быть библиотечной. Для этого необходима гуманизация библиотечного управления и библиотечного права, но прежде всего — гуманизация библиотечного и библиографического знания, которые исключили понятие «гуманизм» из своего лексикона.

Наиболее актуальными проблемами современного библиотечного и библиографического знания являются, на мой взгляд, следующие: 1) Библиотечный гуманизм и гуманистическая миссия библиотек в глобальной техногенной цивилизации; 2) Книжная культура в эпоху технократической глобализации; 3) Информационные технологии как средство гу-

манизации общества. 4) Магия книжности. Если под магией понимать неотразимое воздействие на человека таинственной (рационально необъяснимой) силы, то можно обнаружить магию книжности, так же как магию Интернета. 5) Библиополитэкономика нам нужна для того, чтобы добиться достойного вознаграждения библиотечного труда. Мы находимся в критическом положении: либо библиотечные работники будут избавлены от унижительной нищеты, либо к 2020 году библиотечная профессия сойдет на нет. В последнем случае дегуманизация российского общества усилится еще больше, и тупые чиновники, не желавшие платить достойную заработную плату учителям и библиотекарям, будут содержать дорогостоящих полицейских и частных охранников, чтобы защититься от кровожадных воров в законе.

Глубинный смысл моего выступления состоит в следующем. *Мы живем в обществе риска, а российская книжность находится в зоне повышенного риска. Следует признать, что никто не позаботится о библиотекарях, если они сами не докажут свое право на существование в грядущем информационном обществе. Главный аргумент в этом доказательстве: целевое назначение библиотек — гуманистическая миссия; средство достижения этой цели — информационные функции.*